

ЗЛАТА ХИТРОВА

НАСЛЕДНИК
СТЕКЛЯННОЙ ИМПЕРИИ.
Я знаю твой секрет!

Злата Хитрова

**Наследник стеклянной
империи. Я знаю твой секрет!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Наследник стеклянной империи. Я знаю твой секрет! /

З. Хитрова — «Автор», 2026

Я пришла в Стекольную академию, чтобы стать архитектором. Но случайно разбила бесценную сферу наследника промышленной империи. Максим Вольский предъявил счёт: до конца семестра я его прислуга. Откажусь — потеряю стипендию и диплом. Я мыла полы, собирала осколки и ночами рассчитывала конструкции, которые он выдавал за свои. А потом нашла чертежи его погибшего брата и поняла: вся слава Максима построена на чужих именах. Теперь у меня есть доказательства. У него — деньги, связи и власть уничтожить моё будущее. На глазах у инвесторов мне предстоит выбрать: сохранить его тайну или вернуть своё имя. Но хватит ли смелости разбить его стеклянную империю навсегда?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Злата Хитрова

Наследник стеклянной империи. Я знаю твой секрет!

Глава 1

На слове «павильон» голос дрогнул, и я прикусила щёку. Только бы они не услышали в этом просьбу поставить зачёт. В детдоме у нас умели жалеть — так, что потом хотелось отмыться. Здесь я собиралась защищать работу, а не своё право находиться рядом с людьми в хороших костюмах.

Передо мной сидела комиссия из пяти человек. За ней — студенты архитектурного факультета Стекольной академии; зал был набит до последнего ряда. На столе перед ними лежал мой проект — макет павильона «Хрупкость». Тончайшие нити стекла ловили свет софитов. Слева, у последнего крепления, линия чуть отклонялась: я оставила этот изгиб, чтобы свет не разбивался на одинаковые клетки. Хотелось встать с той стороны и увидеть, заметят ли его. В коробке макет весил два килограмма; сейчас мне казалось, что я выставила на стол всё, с чем пришла в академию.

— Это стекло или просто красивая иллюзия? — Профессор Громов дождался, когда я подниму на него глаза. — Вы понимаете физику процесса? При малейшей вибрации ваша конструкция рассыплется. Вы предлагаете людям жить в мыльном пузыре?

Я разжала пальцы, оставившие влажные следы на краю стола. Он спрашивал про вибрацию. Хорошо. Хоть не про моё происхождение. Я выпрямилась, готовясь объяснить, зачем вообще взялась за эту хрупкую форму. — Иллюзия обманывает, профессор. А стекло говорит правду о своей природе, — ответила я, стараясь, чтобы слова звучали твердо. — Я не предлагаю вечный павильон. Посмотрите на этот изгиб: стоит человеку сделать шаг, и свет меняется. Я хочу, чтобы он заметил, как легко это потерять. Это концепция временности...

Я ещё договаривала «временность», когда из первого ряда донёсся скупающий вздох. Там сидел Максим Вольский. Наследник стекольной империи, капитан нашего курса и тот, кто финансировал ремонт крыш в этом здании. Он крутил в пальцах свою игрушку — идеальную сферу из муранского стекла, переливающуюся синевой. Потом поставил сферу на край стола перед собой и откинулся на спинку кресла. Он даже не поднял глаз на мою защиту. Весь мой ответ он потратил на то, чтобы рассмотреть собственную сферу. На вопрос Громова у меня был ответ. На его скуку — нет. Сфера в его пальцах получила больше внимания, чем мои ночи над чертежами, и я поймала себя на нелепом желании заставить его поднять голову.

В этот момент декан Кротов, отец Елены, поправил очки и посмотрел на меня с таким терпением, будто я задерживала остальных. — Интересная философия, Алиса. Но давайте будем реалистами. Рынок требует надежности. Тренды этого сезона диктуют монолитные формы. Ваш проект... вторичен. Он пытается копировать эстетику минимализма, но забывает о главном — о статусе заказчика.

Вторичен. Он даже не подошёл к макету. С его места было видно блестящую поверхность — и больше ничего. Я потянулась к тому изгибу у крепления, который проверяла под лампой до рези в глазах. Пусть хотя бы посмотрит, прежде чем списать меня вместе с работой. Но стоило открыть рот, как свет мигнул.

Раз. Два.

Проводка в старом заводском здании капризничала при включении проекторов. Обычно я успевала дождаться света. Теперь шаг уже был сделан — и я потеряла равновесие в темноте.

Кабель питания, тянувшийся через весь пол к трибуне, цеплялся за подошву моего ботинка. Я потянулась к столу, пытаюсь удержаться. Под ладонь попал его край, а рядом стояла чужая вещь. Тяжелая, круглая, холодная.

Сфера ударилась об пол и лопнула со звоном. Когда вернулся свет, я ещё держалась за край стола. У ног Максима блестело стекло. Один осколок проехал по линолеуму почти до моего ботинка.

Кто-то в заднем ряду коротко втянул воздух. Я ждала смеха, но даже Елена молчала. Свет ударил по синему осколку у моего ботинка. Такой маленький. Я уже понимала, что отдам за него всё, чего комиссия не захотела видеть.

Максим медленно опустил взгляд на свои руки. Они были чистыми, без единой царапины. Он задержался взглядом на осколках, затем поднял глаза на меня. Рассматривал долго, никуда не торопясь. Я наконец получила его внимание — и лучше бы он снова отвернулся. Уголок его рта едва заметно поднялся, когда он увидел мои сжатые кулаки. Он присел на корточки, аккуратно подбирая самый крупный фрагмент сферы. Провел большим пальцем по острой грани.

— Варварство, — сказал он, поднимая осколок между двумя пальцами. — Сфера была ручной работы, Алиса. Ты хоть представляешь, что сейчас разбила?

Комиссия замерла. Профессор Громов открыл рот, чтобы вмешаться, но Максим уже встал, отряхивая брюки от несуществующей пыли. — Возместишь, — сказал он. — Только не пытайся занять денег у курса. Мне интересно, как ты работаешь, когда стекло не твоё и красивыми словами не отделаться.

Я сделала шаг назад, чувствуя, как подкашиваются колени. — Я могу оплатить ущерб из стипендии...

— Из стипендии? — Он усмехнулся, не скрывая, как ему понравилось предложение. — Долг будет выплачен трудом. Моя личная ассистентка, до конца семестра. Полы, материалы, полировка. На твоём месте я бы порадовался: прислугу обычно к такому стеклу не подпускают.

Отказ. Слово вертелось на языке. Я могла сказать «нет». Я могла уйти. Но декан Кротов молчал. Он посмотрел на Максима, потом на потолок, где висела заплатка после недавней протечки, которую оплатил Вольский. Он отвел глаза. Кротов поправил папку перед собой. Не подошёл ко мне, не попросил Максима прекратить. Я переводила взгляд с одного на другого, пока не стало стыдно за саму надежду, что кто-нибудь скажет: «Так нельзя».

— Откажешься — добьюсь твоего исключения, — добавил Максим и наклонился ближе. От него пахло табаком. — Порча имущества спонсора. Декан всё видел. Ты ведь сюда пришла за дипломом архитектора?

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться. — Я не согласна, — прошептала я, хотя понимала тщетность слов.

— Тогда считай, что ты уже уволилась, — равнодушно ответил Максим и развернулся к выходу.

После заседания, когда зал опустел, ко мне подошла Елена Кротова. Она остановилась рядом, поправляя шарф. Я увидела осколок сферы у самого носка её туфли и ждала, когда она отступит, но Елена даже не посмотрела вниз. — Ну что, принцесса из детдома? — Елена склонила голову, рассматривая меня. — Максимилиан взял тебя в прислугу. Не вздумай жаловаться: он ещё может передумать.

Елена рассмеялась, мелодично и зло, и исчезла за дверью актового зала. Я осталась у стола. На краю лежала моя папка, и взять её почему-то оказалось труднее, чем выслушать Елену: нужно было признать, что защита закончилась именно так. Пока в коридоре ещё слышались шаги, я не позволяла себе даже шмыгнуть носом.

Я вышла в коридор, ведущий к гардеробной. Здесь пахло старой краской и сыростью. И вдруг я увидела его. Даниил Орлов сидел на подоконнике, перебирая стопку старых чертежей.

Архивариус библиотеки. Он знал про детдом, но не делал такого лица, будто ему положена благодарность за один разговор со мной.

Он поднял голову, заметив мое состояние. — Алиса? Что случилось?

Я покачала головой. Если бы он сейчас спросил ещё раз, я, наверное, расплакалась бы. При Максиме удалось удержаться, а перед тихим Даней — вот ещё, не хватало. Даниил встал, подходя ближе. — Я видел новости по внутреннему каналу. Про сферу... Слушай, я могу помочь. У меня есть доступ к архивам производства Вольских. Там есть оригинальные схемы тех сфер. Если мы найдем точный состав смеси и технологию закалки, возможно, ты сможешь восстановить её быстрее, чем он ожидает. Я могу достать эти файлы сегодня ночью.

Даня уже говорил «мы», хотя стекло разбила я. Он собирался нести мне схемы ночью, тратить своё время — и мне хотелось согласиться так сильно, что стало страшно. Завтра Вольский спросит, кто сделал работу. Посмотрит на Даниила, потом на меня. И опять окажется правым, опять сможет назвать меня неумехой. Я знала, что это несправедливо к Дане. Но ещё один человек, которому нужно объяснять, почему я сама не справилась, сейчас был мне не по силам.

— Нет, — сказала я резко, отступая назад. Даниил замер, удивленный и слегка обиженный. — Алиса, это не вопрос гордости, это вопрос выживания...

— Это вопрос того, кто я, — перебила я, и мой голос стал тверже. — Если я восстановлю её твоими руками, он всё равно будет считать меня неумехой, за которую всё сделали. Мне нужно научиться делать это своими руками. Не хочу, чтобы он оказался прав насчёт меня.

Я ушла, прежде чем Даня успел ответить. Даже не сказала спасибо за то, что не смеялся. От этого хотелось повернуть обратно, но впереди была мастерская Максима, и я шла к ней, повторяя про себя: узнаешь, как он работает. Хотя бы это у тебя никто не отнимет.

Глава 2

Когда я пришла в мастерскую Максима, он уже ждал. Стоял спиной ко мне, рассматривая свои инструменты. После защиты сюда перенесли осколки сферы; они лежали у верстака, и я узнала синий перелив на самом крупном. На верстаке лежали ключи от его кабинета и мастерской. Он смахнул их на пол, а затем небрежно оттолкнул носком ботинка в мою сторону. Кольцо звякнуло о бетон.

— Начни с пола, — приказал он, не оборачиваясь. — Собери всё до последнего осколка. И запомни: если ты порежешься, я не дам тебе аптечку. Боль учит осторожности.

Я посмотрела на ключи. Холодный металл блеснул в тусклом свете лампы. Я наклонилась, подняла их. Металл впился в ладонь, зубцы ключей больно давили на кожу. Я задержала ключи в ладони. Ему нужна была уборщица, которой можно открыть дверь и велеть встать на колени. Хорошо. Значит, теперь у меня будет время смотреть, что он делает за этой дверью.

Я присела перед осколками. На самой крупной грани разлом раздваивался возле пузырька и дальше шёл почти прямо. Я повернула кусок к лампе, стараясь не порезать пальцы. Он называл это варварством. А я видела, где сфера выдержала удар и где уступила. Если я смогу повторить этот узор точнее, чем оригинал, получится сфера, которую Максим сам захочет рассмотреть. Пусть тогда попробует снова отвернуться от моей работы.

Осколок тихо звякнул о бетон, когда я положила его отдельно от мелкой крошки. Максим услышал и повернул голову. Я опустила глаза — пусть думает, что напугал. Мне хотелось сохранить этот кусок и разобраться с ним, когда Вольский перестанет смотреть.

Ключи звякнули о дно ведра, где плескалась мутная, пахнущая хлоркой жижа. Звук получился глухим, унижительным. Я стояла на пороге мастерской Вольского, прижимая к боку коробку со своим макетом «Хрупкость». Он пережил защиту — в отличие от сферы, за которую мне теперь предстояло расплачиваться. Голова была поднята высоко, подбородок задран так, что шея ныла.

— Максим, — начала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Мы можем обсудить график. У меня завтра защита по истории архитектуры, и я не могу тратить весь день на...

Он даже не повернулся. Сидел спиной ко мне за огромным верстаком, паяльником припаявая медную сетку к стеклу. Жало проходило у самого стекла, ни разу его не задев. Я смотрела на расстояние между ними. — Ты здесь для того, чтобы мыть полы, Алиса. Не для того, чтобы говорить. Ключи бери сама. Или ты предпочитаешь, чтобы я позвал декана? Он обожает слушать жалобы стипендиатов на «тяжелые условия труда».

Я поставила коробку туда, где на неё не могла попасть вода из ведра. Максим заметил движение и снова отвернулся к своей сетке. Мой макет занимал у него меньше места, чем кофейный термос. Даже теперь хотелось сказать: посмотри. Вчера ты не посмотрел.

Я сделала шаг внутрь. Воздух здесь был другим. Тяжелым, кислым, пропитанным запахом флюсов, горячей пыли и чего-то химически едкого, от чего защипало в носу. Вдоль прохода лежали осколки, и приходилось выбирать, куда поставить ногу. На верстаке были зачищены только две полосы под инструментами. Всё остальное — чертежи, банки, стеклянная крошка — Максим оставил мне, как будто с появлением ассистентки грязь перестала быть его делом.

Максим наконец развернулся. Он посмотрел на мои руки, потом на колени. Я успела распрямиться, но на его лице ничего не изменилось: он уже решил, чем я здесь буду заниматься. Договор о «личном обслуживании», который он успел подсунуть мне после защиты, лежал на верстаке. — Пункт четыре, — произнес он ровным, скучающим тоном. — Полное устранение последствий твоей некомпетентности. Тряпка. Ведро. Начни с угла. Если оставишь хоть одну пылинку на полках с эскизами, будешь переделывать всё заново. За ночь. Без сна. Декан уже предупрежден о твоём «несоответствии стандартам семьи Вольских».

Можно было бросить тряпку и написать жалобу. Только до её рассмотрения пришлось бы жить без стипендии. Я не знала, кто заплатит за меня хотя бы эту неделю. Пять лет после детдома я добивалась права учиться здесь; бросить всё сейчас означало остаться и без диплома, и без стипендии. Я подошла к ведру. Чтобы поднять тряпку, пришлось наклониться перед ним, и я медлила именно из-за этого. Максим смотрел. Дождётся, конечно. Я выжала тряпку так сильно, что вода стекла на рукав; мокрая ткань легла на запястье, и теперь он видел только то, как я работаю.

Первые полчаса были адом. Я терла каменный пол, чувствуя, как колени впиваются в шершавую поверхность. Вода уходила в трещины, а грязь оставалась на краях. Я провела по одному месту третий раз, всё злее нажимая ладонью, пока не поняла: бетон я так не исправлю. Зато сорву кожу раньше вечера. А вокруг меня витал запах кислоты. На соседнем столе, всего в метре от моего лица, стоял открытый флакон с реактивом для травления стекла. Едкий пар щекотал ноздри, вызывая кашель.

Максим наблюдал. Он сидел на высоком табурете, болтая ногами, и пил кофе из термоса. Его взгляд был прикован к моим рукам. — Ты дрожишь, — констатировал он без сочувствия. — Слабое звено конструкции. Эмоции мешают точности. Закрой флакон сама. Или хочешь, чтобы я показал тебе, как работает кислота на живой ткани?

Я завинтила крышку флакона. Пальцы горели от холодной воды. Флакон хотелось унести с его стола подальше — пусть сам ищет. Вместо этого я поставила его за другие банки. Максим заметил, как осторожно я это сделала, и усмехнулся. Ему понравилось, что даже злой я не могла обращаться с материалами так, как он обращался со мной.

На третьем часу уборки моя спина превратилась в один сплошной узел боли. Я выпрямилась, чтобы размяться, и случайно задела локтем нижнюю полку стеллажа. Полка дрогнула. Стопка бумаг упала на пол. Мои эскизы? Нет. Его. Чистые листы ватмана с тонкими линиями, которые он так бережно прятал под слоем пыли.

Я бросилась собирать листы. На первом был карандашный изгиб, несколько раз исправленный у опоры; на втором — тот же узел начисто. Я знала, чего стоит такая разница между двумя рисунками. От грязной воды остались пятна на моих пальцах, и я подхватывала бумагу за самые углы, боясь испортить то, на что человек потратил ночь. — Осторожнее, — прошипела я себе под нос, приглаживая бумагу.

Тень накрыла меня. Максим стоял надо мной, глядя сверху вниз. Я ждала, что он отнимет листы. Даже прижала их к себе, чтобы не рассыпать снова. Максим задержал взгляд на арке, которую я ещё не успела поднять. Просто наступил ногой на самый красивый лист. Тот, где была изображена арочная конструкция, идеальная в своей симметрии. Подошва дорогого ботинка вдавила графит в пыль. — Это мусор, — сказал он, не убирая ботинка с листа. — Как и ты. Разницу пока вижу одну: бумага хотя бы не спорит.

Он сделал еще один шаг, перешагивая через меня, будто я была препятствием на дороге. Мусором, который нужно убрать. Графит размазался под его подошвой. Я держала остальные листы так крепко, что согнула край, и тут же ослабила пальцы. Он мог топтать собственную работу, если ему нравилось. Я не собиралась портить её за компанию.

Даня вошёл со стопкой старых журналов. Увидев меня на полу, остановился. Я успела разжать пальцы на листах — хотя бы бумагу не помять при нём. Максим не двинулся с места и продолжал смотреть, как я собираю его рисунки. Даниил сделал шаг ко мне. Протянул руку. Ладонь была открытой, безопасной. — Алиса, давай помогу...

Я посмотрела на протянутую ладонь и сразу увидела, как это будет: Даня поднимет меня с пола, а Максим проследит за нами и усмехнётся. Он и так усмехался. Только теперь в его удовольствие попадёт ещё и Даниил — за то, что решил мне помочь. Я резко отдернула руку, ударившись плечом о полку. — Не трогай меня! — выдохнула я сквозь зубы. Голос сорвался на визг. — Уходи, Даня. Пожалуйста. Просто уйди.

Даня опустил руку. Я не посмотрела на него: ещё немного, и пришлось бы попросить остаться. Он положил журналы на стол и вышел. Максим проводил его взглядом, всё ещё усмехаясь.

Когда дверь закрылась за Даней, я опустила голову над листами. Он пришёл с журналами, а я выгнала его так, будто виноват он. Хотелось разорвать хотя бы одну страницу — что-нибудь испортить в ответ. Я уложила рисунки ровнее. Подняться сразу не получилось: пришлось сперва выпрямить одну ногу. — Кофе, — приказал Максим, не глядя на меня. — Черный. Без сахара. Автомат в конце коридора. Быстро.

Глава 3

До кофейного автомата нужно было пройти весь коридор. Я шла, чуть согнув колени: так меньше тянуло спину. У старого зеркала остановилась — поправить волосы, пока никто не вышел из аудитории.

Хвост сполз, волосы прилипли к вискам. Колени были в пыли. Я оттянула ткань, и под ней обнаружился синяк. Под глазом я размазала грязь, когда отводила волосы. В зеркале это выглядело как синяк. Я стёрла пятно рукавом и посмотрела ещё раз. Он не должен увидеть меня такой и решить, что день прошёл удачно. Если он хочет видеть во мне вещь, я стану самой дорогой и опасной вещью в его коллекции. Алмазом, который режет стекло. Осколком, который он больше не сможет безнаказанно сжать в кулаке.

Я провела пальцем под глазом ещё раз. Пятно осталось. Ладно, увидит такой; кофе я ему всё равно принесу без улыбки.

Когда я вернулась, Максим уже ушел. Свет в мастерской остался включенным, заливая пространство безжалостным белым светом. На верстаке лежало недоеденное яблоко и сложенный листок бумаги. Я подошла ближе. Развернула записку. Почерк был угловатым, жестким. «Завтра придешь в 6 утра. Опоздаешь на минуту — будешь мыть полы зубной щеткой».

Я разгладила сгиб большим пальцем. Шесть утра. До защиты по истории ещё хватит времени, если он опять не придумает работу на весь день. Хотелось вписать напротив его приказа мой экзамен, крупно и тем же нажимом. Я аккуратно свернула её и положила в карман куртки. Затем достала блокнот со своими проектами. Здесь я сама выбирала, какие линии оставить, какие стереть. Сесть за высокий стол значило ещё полчаса держать спину прямо. Я устроилась на полу, прислонившись к ножке верстака. Блокнот положила на колено. Отсюда крепления стеллажей были видны лучше, чем ему с табурета, и я начала зарисовывать мастерскую.

Где находятся опорные точки стеллажей? Какая нагрузка приходится на каждый квадратный метр пола? Где проходит проводка? Где слабые места в креплении полок с дорогими материалами? Я зарисовывала розетки и стеллажи, сверяясь с тем, что успела рассмотреть за уборкой. Углы падения света приходилось проверять: стоя у двери, их так не запомнишь. На рисунке мастерская стала понятнее: проход, где я спотыкалась, занимал пол-листа, а его любимый верстак — маленький прямоугольник. Я отметила его отдельно. Доступ сюда Максим дал мне сам. Пока он требовал от меня чистоты, можно было узнать о его работе больше, чем за целый курс лекций.

Я достала записку из кармана и ещё раз прочла про зубную щётку. Он хотел сломать меня — вот что было написано между строк. Зубная щётка. Он представлял, как я буду ползать с ней по бетону, и, наверное, уже заранее веселился. А я поставила на плане крестик у трещины, которую сегодня не смогла отмыть. Он смотрел на меня сверху. Я успела рассмотреть то, что было внизу.

Когда я закрыла блокнот, от пальцев на обложке остались серые следы. Мыть их ещё раз не хотелось. Завтра в шесть я приду сюда с планом в кармане. Максим увидит тряпку и ведро; блокнот я ему не покажу.

Записку я тоже сохранила. Пусть думает, что она нужна мне, чтобы не забыть приказ. Свой план я положу под неё — Вольский вряд ли станет проверять, что у уборщицы в блокноте.

Утро в мастерской Вольского пахло спиртом и холодным металлом. Я стояла на коленях перед огромным куполом — «сердцем проекта», как называл его Максим. В выпуклом стекле мои руки казались чужими и короткими. Я старалась смотреть на край лоскута, а не на это отражение.

— Не дыши так громко, — бросил он через плечо, не отрывая глаз от чертежей. Он произнёс это, будто я и правда могла испортить купол одним дыханием. — Ты искажаешь отражение.

Я сжала зубы до боли в скулах. В руках — кусок мягкой микрофибры, смоченный раствором. Лоскут приходилось складывать заново после каждого круга: влажная сторона оставляла развод, сухая собирала пыль. Я уже знала, куда Максим направит лампу после полировки. Именно там мне хотелось оставить отпечаток пальца, крупный и наглый. Ворсинка под лампой станет для него достаточным поводом отправить меня к декану. Он уже предупредил про стипендию. Я складывала ткань так тщательно, как не складывала бы её для себя.

Максим стоял за спиной. Он устроился так, что я не могла оглянуться, не оторвав руку от стекла. Когда я ускоряла движение, он переставал листать чертежи. Я слышала это раньше его замечания. Перестала ускоряться — и ненавидела себя за то, как быстро научилась подстраиваться под его тишину.

— Медленнее, Алиса. Твои руки дрожат. Страх делает работу грязной.

Я продолжила круг по часовой стрелке. На самой широкой части купола замедлилась: здесь лоскут норовил сбиться, и я придерживала его большим пальцем. Стекло было холодным, но под моими ладонями оно начинало теплеть. Я довела круг до края, хотя запястье уже ныло. Ему нужно было, чтобы я сорвалась или оставила пятно. Ни того, ни другого сейчас не получит.

Дверь распахнулась без стука. На пороге появилась Елена Кротова, дочь декана, в сопровождении двух студентов из её свиты. Один придержал Елене дверь, второй задержался у порога. Оба улыбались, глядя поверх моей головы на Максима. Я была ниже их даже в отражении купола; подняться сейчас означало бросить полировку по первому её появлению.

Елена прошла внутрь, даже не взглянув на меня. Она остановилась рядом с Максимом, демонстративно поправляя манжету его рубашки.

— Макс, ты забыл подписать заявку на закупку оптического стекла нового поколения. Папа говорит, что без этого твой проект не получит финансирование на следующий этап.

Она говорила громко, нарочито отчетливо, зная, что я слышу каждое слово. Потом её взгляд упал на меня, сидящую на полу среди банок со спиртом. Елена улыбнулась, но в глазах не было тепла.

— О, прости. Я не заметила твою... ассистентку. Ты же знаешь, эти люди созданы только для того, чтобы держать материалы. Не мешай им работать, Макс. Лучше бы они вообще не существовали в твоём идеальном пространстве.

Она стряхнула что-то с моего плеча. Я видела её маникюр совсем близко: гладкий край ногтя не цеплялся за ткань. На моём большом пальце ноготь треснул, и микрофибра за него цеплялась при каждом движении. Елена могла коснуться меня и тут же забыть, что касалась.

Я могла спросить, зачем ей ассистентка Максима, если заявку всё равно подписывает он. Её приятели ждали моей реакции — один даже перестал улыбаться. Я оставила слова при себе. Здесь любое моё возражение легко превратилось бы в сцену, которой она потом украсит весь курс. Я лишь чуть изменила траекторию движения руки, и мой локоть случайно, почти незаметно, задел её запястье.

Елена отдёрнула руку и посмотрела на Максима. Мой локоть она ещё могла счесть случайностью. Его равнодушие к её лицу случайным не выглядело.

— Вы мешаете свету падать правильно, — сказал он холодно, не оборачиваясь. — Уходите.

Один из её приятелей первым попятился к двери. Елена задержалась ещё на секунду — я успела заметить, как у неё покраснели уши. Потом хлопнула дверью. Я чуть не улыбнулась куполу. Максим обернулся ко мне, и улыбаться сразу расхотелось.

— Собрать мусор, — приказал он, указывая подбородком на угол мастерской, где лежала стопка пожелтевших бумаг. — И разберись с этим наследием. По годам. По проектам.

Я встала, чувствуя, как затекли ноги. Подойдя к углу, я взяла первый лист. Бумага была тонкой, почти прозрачной, с краями, потемневшими от времени. На ней был набросок арки. Изгиб шёл к опоре так же, как у арки в центре макета Максима. Эту форму преподаватели хвалили на каждом просмотре. Я придержала лист, прежде чем взяться за следующий.

Я положила лист рядом с чертежом на столе и провела взглядом от одной опоры к другой. Совпадал даже изгиб у основания. Я посмотрела на него через верстак. Он отправил меня разбирать «мусор», а сам продолжал работать над чужой линией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.